

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

И.Я. Гонтарь*

ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ
И ИНСТИТУТ ВИНЫ
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Аннотация. В статье рассматриваются принцип справедливости и институт вины в уголовном праве, их закрепление, наравне с принципом гуманизма, в уголовном праве как основополагающих принципов, которые провозглашают исходные начала уголовно-правового регулирования. Автором затрагиваются такие моменты, как реализация принципа справедливости в уголовном праве, насколько реально он воплощается в жизни уголовным законодательством. Исследуются теоретические вопросы о понятии справедливости вообще и в уголовном праве в частности. Проводится анализ норм Общей и Особенности частей УК РФ на предмет их соответствия принципу справедливости. В статье анализируется и другой важный институт в уголовном праве — вина. Рассматриваются понятие и содержание вины, ее основные формы, реализация данного института на практике, а также такие спорные моменты, как двойная (или сложная) форма вины, а также кризисное положение института вины в уголовном праве, которое обусловлено накоплением противоречий в правовых нормах и потребностях их развития, практике применения уголовного закона и теоретических работах, посвященных проблеме вины.

Ключевые слова: юриспруденция, принцип справедливости, вина, институт вины, преступление, форма вины, общественная опасность, личность преступника, посягательство, преступное деяние, уголовное право.

Есть основания полагать, что закрепление принципов непосредственно в УК РФ является весьма важным прогрессивным шагом в области уголовного правотворчества. Еще в период советского уголовного права известные ученые С.Г. Келина и В.Н. Кудрявцев обосновывали необходимость принятия законодателем специальной нормы, статьи Уголовного кодекса, закрепляющей тот или иной уголовно-правовой принцип, полагая, что в дальнейшем в своей деятельности законодатель будет руководствоваться им в процессе разработки и принятия уголовно-правовых норм. Как они предполагали, для законодателя особое значение могли бы иметь закрепленные в нормах Уго-

ловного кодекса принципы вины, гуманизма и справедливости¹. Свершившееся открытое провозглашение исходных начал уголовно-правового регулирования, по справедливому мнению А.И. Бойко, ставит власть под дополнительный присмотр общества, позволяет критикам сверять текущее правотворчество и правоприменение с ранее выставленными для всеобщего обозрения эталонами².

Правовой принцип отражает какую-то насущную социальную потребность, которая мо-

¹ См.: Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. М., 1988. С. 32–33.

² См.: Уголовное право. Общая часть / под ред. В.Н. Петрашева. М., 1999. С. 43.

© Гонтарь Игорь Яковлевич

* Кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного права филиала Дальневосточного федерального университета г. Петропавловск-Камчатский [crimlaw@rambler.ru]

863003, Камчатский край, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Ленинградская, 79.

жет быть реализована через деятельность индивидов, регулируемой конкретной отраслью права. Сформулированное в ч. 1 ст. 6 УК РФ требование, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, говорит, что социальный интерес общества заключается в том, чтобы наказание и иные меры уголовно-правового характера соответствовали общественной опасности личности, совершившей преступление. Понятия «характер и степень общественной опасности преступления», «обстоятельства его совершения», «личность виновного» — это те явления, которые лежат в основании общественной опасности. Хотя доктрина российского уголовного права, которая основана на его классической школе, всячески пытается избежать понятия «общественная опасность личности» в уголовно-правовом лексиконе, тем не менее вынуждена признать это социальное явление как объект уголовно-правового воздействия. Уместно напомнить, что в этой связи выдающийся представитель классической школы уголовного права Н.С. Таганцев еще в XIX в., определяя объект карательного права, писал: «Было бы и теоретически неверно, и практически крайне вредно считать объектом карательной деятельности только преступное деяние как абстрактное понятие, забывая лицо, его учинившее. В самом деле, даже исследуя юридическое понятие преступления как посягательства на норму в ее реальном бытии, как посягательства на правоохраненные интересы жизни, мы рассматриваем это посягательство не как вредоносное событие или явление, а как деяние, как продукт деятельности дееспособного субъекта, проявившего в нем свою вину, с ее разнообразными индивидуальными оттенками, с особенностями вызывающих это деяние мотивов, с проявленными в нем чертами характера деятеля и т.д.»³. Вполне очевидно, что речь идет о таких определенных особенностях личности самого деятеля, которые в современной науке выражает концепция общественной опасности личности. И вообще, положения классической науки уголовного права, носящие в своем большинстве высокую степень абстрактного выражения, становятся намного понятнее, если мы находим тот социальный феномен, который они стремятся отразить.

³ Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая: в 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 79.

Так, во второй половине прошлого века в теории уголовного права появилось понятие «степень вины», под которым тогда мыслилось конкретное содержание умысла или неосторожности, нашедших свое выражение в совершенном лицом общественно опасном деянии⁴. По истечении времени под степенью вины начали понимать количественную характеристику не юридической, а социальной сущности вины, т.е. характеристику глубины искажения социальных ориентаций субъекта. Она определяется не только формой вины, но и особенностями психической деятельности лица в процессе совершения преступления, целями и мотивами его поведения, личностными особенностями и т.д.⁵ Но ведь эти юридические абстракции в своей основе имеют одну и ту же социальную реальность, а именно: установленную судом степень общественной опасности конкретной личности, совершившей конкретное преступление. И для социума важно, чтобы эта степень общественной опасности нашла свое адекватное отражение в назначенном судом наказании. Современные уголовно-правовые абстракции: «характер и степень общественной опасности преступления», «обстоятельства его совершения», «личность виновного» — не существуют как какие-то самостоятельные фантомы, а находят свое воплощение в той конкретной осязаемой личности, которая предстала перед судом. Суд выясняет: какое деяние, предусмотренное уголовным законом, совершила эта личность и при каких обстоятельствах; какие последствия и в каком объеме были причинены этим деянием или могли быть причинены; какими мотивами, побуждениями эта личность руководствовалась в своем поведении и т.д. Для правильной оценки степени общественной опасности личности имеет и ее прошлое.

Наличие самого уголовного права — одного из социальных институтов обусловлено существованием социального феномена «личность». В психологии личность рассматривается как относительно устойчивая совокупность психических свойств, как результат включения индивида в пространство межиндивидуальных связей. Индивид в своем развитии испытывает социально обусловленную потребность быть личностью и обнаруживает способность стать личностью, что реализуется в социально значимой деятельности. Этим определяется раз-

⁴ См.: Курс советского уголовного права: в 6 т. Т. II. Преступление. М., 1970. С. 335.

⁵ См.: Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. I. Преступление и наказание. СПб., 2008. С. 454.

витие человека как личности. Представители психологии полагают, что взаимоотношение между индивидом как продуктом антропогенеза, личностью, усвоившей общественно-исторический опыт, и индивидуальностью, преобразующей мир, может быть передано формулой: «Индивидом рождаются. Личностью становятся. Индивидуальность отстаивают»⁶. Последнее проявляется в противоречии между стремлением индивида быть идеально представленным своими особенностями и отличиями в общности и потребностью общности принять, одобрить и культивировать лишь те его особенности, которые способствуют развитию этой общности и тем самым развитию самого индивида как личности. Если общность данного индивида с его особенностями не воспринимает, когда противоречие налицо и индивид не интегрируется в общность, то может иметь место вытеснение личности из общности⁷. Подобное отсутствие необходимой интеграции, противоречие между сложившимися особенностями личности и социальными ожиданиями может найти и зачастую находит свое проявление в таком отклоняющемся поведении, как преступление. В этом случае преступление, его характер, условия совершения свидетельствуют о тех особенностях личности, которые делают ее общественно опасной, одновременно говорят о степени этой опасности. Как отмечалось, степень проявившейся общественной опасности личности находит свою оценку в приговоре суда.

Принцип справедливости требует, чтобы для этого была установлена степень вины лица, совершившего данное преступление, т.е. та мера искажения его ценностных ориентаций, которые проявились в отрицательном, пренебрежительном или недостаточно внимательном отношении к основным социальным ценностям в этом случае и которая должна находиться в прямой зависимости с величиной уголовно-правового принуждения, необходимого для устранения дефектов в социальных ориентациях правонарушителя⁸, или, иначе говоря, должна быть выявлена степень общественной опасности личности виновного. В деятельности суда это достигается путем индивидуализации наказания. В свое время Н.Ф. Кузнецова и Б.А. Куринов вполне обоснованно рассматривали индивидуализацию наказания «как определение судом конкретной меры наказания лицу, виновному в совер-

шении того или иного преступления, осуществляемое на основе закона и...правосознания судей, исходя из степени общественной опасности лица, его совершившего»⁹.

Уголовный закон — тот инструментарий, посредством которого суд может добиться требуемого соответствия. Но для этого нужно, чтобы уголовное законодательство в первую очередь правильно отражало явление вины. Столкнувшись с деянием, ответственность за которое предусмотрена в УК РФ, судья должен определить: каково это деяние по своему характеру — умышленное или неосторожное? Это первая основополагающая характеристика общественной опасности личности виновного. Если уголовный закон не предоставляет суду такую информацию, не допускающей противоречивого толкования, то такое положение свидетельствует об ущербности законодательного инструментария.

Для наглядности обратимся к гл. 26 УК РФ, которую образуют на сегодняшний момент 16 статей, предусматривающих уголовную ответственность за преступления в области природоохраны, охраны водных биологических ресурсов и животного мира, а также в области охраны лесных ресурсов и охватываемых понятием «экологические преступления». Признавая необходимость появления такой отдельной главы в современном российском уголовном законодательстве, вместе с тем многие ученые отмечают, что при квалификации деяний правоприменители часто сталкиваются с проблемами из-за множества оценочных признаков и понятий, бланкетных диспозиций, что затрудняет отграничение преступления от административных правонарушений при совпадении объективной стороны¹⁰. Это обоснованное критическое замечание можно отнести и к отражению субъективной стороны большинства экологических преступлений, что зачастую ставит в тупик работников правоохранительных органов при решении вопроса о форме вины, с которой совершается то или иное деяние.

Едва ли поможет обращение правоприменителя к комментариям к уголовному законодательству. Вот, например, двенадцатое издание «Комментария к Уголовному кодексу Российской Федерации», увидевшее свет в 2012 г.¹¹ Так, в комментарии к ст. 246 УК РФ,

⁶ См.: Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. СПб., 2007. С. 264.

⁷ См.: Большой психологический словарь. С. 265.

⁸ См.: Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003. С. 78.

⁹ Цит. по: Д.С. Дядькин. Теоретические основы назначения уголовного наказания: алгоритмический подход. СПб., 2006. С. 57.

¹⁰ См.: Энциклопедия уголовного права. Т. 23. Экологические преступления. СПб., 2013. С. 7.

¹¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2012 // СПС «Гарант Эксперт».

в которой предусматривается уголовная ответственность за нарушение правил охраны окружающей среды при проектировании, размещении, строительстве, вводе в эксплуатацию и эксплуатации промышленных, сельскохозяйственных, научных и иных объектов лицами, ответственными за соблюдение этих правил, если это повлекло существенное изменение радиоактивного фона, причинение вреда здоровью человека, массовую гибель животных либо иные тяжкие последствия, указывается, что с субъективной стороны преступление совершается умышленно или по неосторожности.

При умышленной форме вины лицо осознает общественную опасность нарушения правил охраны окружающей среды при производстве перечисленных в диспозиции статьи работ, предвидит возможность или неизбежность их (прямой умысел) либо осознает общую опасность указанных деяний, предвидит возможность наступления последствий, не желает, но сознательно допускает их наступление либо относится к ним безразлично (косвенный умысел).

При неосторожной форме вины лицо не предвидит возможности наступления вредных последствий своих действий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было (в силу своей должности, профессии и т.д.) и могло их предвидеть (небрежность), либо предвидит возможность причинения вреда в результате нарушения правил охраны окружающей среды, но без достаточных на то оснований самонадеянно рассчитывает на их предотвращение (легкомыслие). Например, рассчитывает, что выброса, сброса загрязняющих веществ не произойдет либо вред от выброса в атмосферу загрязняющих веществ будет не существенным вследствие их рассеивания ветром.

В отношении такого преступления, как нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов, предусмотренного ст. 247 УК РФ, автор комментария утверждает, что преступление, предусмотренное ч. 1 этой статьи, может быть совершено только с прямым умыслом. Нарушение указанных правил, повлекшее загрязнение, отравление или заражение человека либо массовую гибель животных, а равно совершенные в зоне экологического бедствия характеризуется как умышленной, так и неосторожной формой вины. По ч. 3 рассматриваемой статьи, предусматривающей уголовную ответственность за деяния, предусмотренные в ч. 1 и 2 ст. 247 УК РФ, повлекшие по неосторожности смерть человека либо массовое заболевание людей, указывается, что

субъективная сторона характеризуется неосторожным отношением к смерти человека или массовому заболеванию людей. Однако сами деяния могут быть умышленными или неосторожными. В случае умышленного их совершения содеянное приобретает признаки преступления с двумя формами вины (ст. 27 УК РФ) и в целом считается совершенным умышленно, а в случае неосторожного — в целом все преступление является неосторожным. Санкция ч. 3 ст. 247 УК РФ предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до восьми лет. В соответствии с рекомендацией Комментария категория преступления, предусмотренного этой частью ст. 247 УК РФ (преступление средней тяжести или тяжкое со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями, как-то: возможный рецидив, вид исправительного учреждения, возможное назначение наказаний по совокупности преступлений, условия условно-досрочного освобождения, сроки погашения судимости), определяется не согласно признакам, указанным законодателем в ст. 15 УК РФ, а на основании судебного усмотрения в каждом конкретном случае в зависимости от того, какую форму вины — умышленную или неосторожную — усмотрит в содеянном.

По мнению авторов комментария, такие преступления, как нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами (ст. 248 УК РФ), загрязнение вод (ст. 250 УК РФ), загрязнение атмосферы (ст. 251 УК РФ), загрязнение морской среды (ст. 252 УК РФ), также могут быть совершены как умышленно, так и по неосторожности.

Ну, а что по этому поводу говорит уголовно-правовая наука? Мы обратились к «Энциклопедии уголовного права». Е.Е. Пономарева, автор главы «Преступления в области природоохраны (ст. 246–255 УК РФ)», добросовестно рассмотрела работы многих ученых, обращавшихся к данной проблематике (О.Л. Дубовик, А.Г. Князева, Э.Н. Жевлакова, Н.А. Лопашенко, А.В. Наумова, В.В. Сверчкова, Д.Б. Чуракова, А.И. Чучаева и др.), и выявила редкое разнообразие, порой диаметрально противоположные суждения относительно форм вины, присущих упомянутым преступлениям¹². В итоге приходится констатировать, что и уголовно-правовая наука не в состоянии оказать здесь существенную помощь субъектам правоприменительной деятельности. Такая ситуация заставляет задуматься о сложившемся на сегодняшний день взаимоотношении между законодательной

¹² См.: Энциклопедия уголовного права. С. 72–269.

деятельностью в области уголовного права и отечественной уголовно-правовой доктриной. Получается, что в результате деятельности законодателя появляются юридические тексты, касающиеся уголовно-правового регулирования, которые зачастую не отвечают социальным запросам, а научному сообществу отводится роль толкователя производимых текстов на основе догм, образующих саму доктрину.

Многие участники VII Российского конгресса уголовного права в своих выступлениях оценили этот факт как один из симптомов кризиса современной уголовной политики России¹³. При этом некоторые выступающие обвиняли законодателя в том, что последний игнорирует науку, теорию уголовного права¹⁴. Но в тени подобных обвинений скрывается один крайне важный вопрос: а насколько совершенна сама современная российская уголовно-правовая наука, руководствоваться положениями которой призывают субъектов, занимающихся уголовным законотворчеством и пытающихся удовлетворить ожидания людей в уголовно-правовой справедливости в стране?

На наш взгляд, всю остроту этой проблемы обнажила дискуссия, развернувшаяся в недавнем прошлом на страницах юридической печати между известными представителями российского уголовного права академиком В.Н. Кудрявцевым и профессором А.В. Наумовым. Анализируя состояние современной уголовно-правовой науки, В.Н. Кудрявцев высказал обоснованное предположение, что она нуждается в серьезной модернизации с учетом последних социологических и психологических исследований, результатах сравнительного правоведения¹⁵. Поводом этому послужило высказанное А.В. Наумовым убеждение, что корни современного уголовного права лежат в идеях, выдвинутых в XVIII–XIX вв., проверенных временем, что исключает возможность всяких сомнений в том, что именно они и дальше должны находиться в основании современной науки уголовного права, речь может идти только об органическом развитии старого с его приспособлением к новым (для каждого исто-

рического периода) реалиям¹⁶. Другими словами, в данном случае речь идет о доктрине как источнике уголовного права, которая составляет не только основу уголовно-правовой науки, но зачастую является и руководством для законодателя и надежным ориентиром для правоприменителя¹⁷.

Общепризнанно, что фундаментом построения уголовного права как России, так и практически всех европейских стран стала классическая теория уголовного права. Ее характерной особенностью является то, что основываясь на метафизической незыблемости правопорядка, правовой нормы, эта теория игнорирует возможности, вытекающие из исследования личности самого деятеля¹⁸. Представляя собой в целом учение об уголовно-правовом деянии, она основное внимание уделяет формально-юридическим конструкциям, точному описанию в законе всех признаков преступления, в то время как личность преступника практически не учитывается. Представители этой доктрины считают, что наказывается преступное деяние, а не человек (деятель), его совершивший. Такой вердикт выносят ей компаративисты.

Иное направление в поисках эффективного контроля за преступностью предприняли представители антрополого-социологической школы. Учение данной школы послужило импульсом к развитию «уголовного права деятеля», в основе которого целью наказания выступает не кара, а защита общества от преступников. Определяя наказание, необходимо прежде всего учитывать личность преступника; лица, находящиеся в «опасном состоянии» (т.е. потенциально готовые к совершению преступления), должны изолироваться от общества, а лица, совершившие преступление впервые в силу случайного стечения обстоятельств («случайные преступники»), должны наказываться более мягко с целью их исправления и перевоспитания (ресоциализации).

Изучение уголовно-правовых доктрин и построенных на них уголовно-правовых систем различных государств на макроуровне позволяет разграничить их на «уголовное

¹³ См., напр.: Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от рассвета до застоя // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного (31 мая – 1 июня 21012 г.). М., 2012. С. 109–115.

¹⁴ См.: Благов Е.В. Новый уголовный закон или новая редакция // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели. С. 22.

¹⁵ См.: Кудрявцев В. Науку уголовного права пора модернизировать // Уголовное право. 2005. № 6. С. 130.

¹⁶ См.: Наумов А. Открытое письмо профессора А.В. Наумова академику В.Н. Кудрявцеву // Уголовное право. 2005. № 5. С. 135–138.

¹⁷ См.: Малиновский А.А. Доктрина как источник уголовного права (сравнительно-правовые аспекты) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 1 // СПС «КонсультантПлюс»: Юридическая пресса.

¹⁸ См.: Уголовное право. Общая часть / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М., 1997. С. 576.

право деятеля» и «уголовное право деяния». Современные уголовно-правовые доктрины (неоклассицизм, новая социальная защита и др.) в своих основных положениях базируются на тех или иных постулатах упоминаемых школ. Их представители отказываются от устаревших догм и развивают положения, которые соответствуют современным социальным запросам. Констатируя этот факт, исследователи-компаративисты делают вполне обоснованный вывод, что преступность деяний в большинстве современных государств устанавливается в соответствии с «теорией уголовного деяния», а содержание конкретных видов наказаний определяется согласно «доктрине деятеля»¹⁹. Это заключение с полным основанием относится к современному российскому уголовному законодательству. Сохраняя постулаты классической школы уголовного права, относящиеся к основаниям уголовной ответственности, законодатель наряду с этим пытается найти способы воздействия на лиц, виновных в совершении преступлений, которые давно уже вышли за рамки классического уголовно-правового понимания наказания. Вместе с тем подобные пенитенциарные новшества, не согласующиеся с установившимися классическими воззрениями на наказание, далеко не всегда разделяются представителями уголовно-правовой науки. Например, одними из последних новаций отечественного законодателя явилось включение в УК РФ ст. 76¹, предусматривающей возможность освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности в случае возмещения виновным ущерба, причиненного бюджетной системе РФ в полном объеме. Другая нововведенная ст. 82² УК РФ предусматривает возможность отсрочки отбывания наказания большим наркоманией. Оценивая эти уголовно-правовые новеллы с позиций требований уголовно-правовой теории, С.Ф. Милюков замечает, что ст. 76¹ УК РФ с точки зрения философии и теории права показывает полную методологическую беспомощность законодателя, сводящего общественную опасность экономических преступлений к прямым финансовым или материальным убыткам граждан или государства. По его мнению, на самом деле такая опасность более многогранна и в современных условиях способна поколебать общественно-политические устои России. Недостаток института отсрочки отбывания наказания большим наркоманией упомянутый автор усматривает в том, что этот закон не только не стимулирует ви-

¹⁹ См.: Малиновский А.А. Доктрина как источник уголовного права (сравнительно-правовые аспекты).

ного на раскрытие подпольных наркосетей и выдачу правосудию активных наркодилеров, но и, напротив, побуждает его всячески скрывать свою подлинную осведомленность об этом²⁰.

Не вдаваясь в обоснованность суждений С.Ф. Милюкова, отметим, что говорить «за» или «против» можно, лишь опираясь на объективные криминологические исследования этой проблемы.

Мы же хотим обратить внимание читателей на то, что если в области уголовного законодательства отечественный законодатель при конструировании системы наказаний как-то пытается изменить вектор «наказательной системы» в направлении деятеля, то основания уголовной ответственности он строит на конструкциях классической уголовно-правовой школы, поражающих зачастую своей ветхостью.

Вот, например, учебник по уголовному праву, написанный С. Будзинским в то время, которое Г.С. Фельдштейн определил как период в российской науке уголовного права, который совпал с началом судебной реформы и большей свободой преподавания, ставшей возможной с введением Университетского устава 1863 г. Он отмечает, что такое обновление русской жизни оказалось в высшей степени плодотворным для науки права и в особенности уголовного. Открывшиеся возможности свободы критики уголовно-правовой практики создали благоприятные условия для научно-догматической обработки русского уголовного законодательства. Заимствование западноевропейской доктрины, не столь стесненное в своем выборе, в дальнейшем развитии дает возможность российской науке подвергнуть оценке и переработке главнейшие течения западноевропейской науки уголовного права, которые наряду с самостоятельными усилиями русских криминалистов придают науке уголовного права в России невиданный до того блеск²¹. Очевидно, что речь идет о периоде формирования основополагающей концепции российской науки уголовного права.

В указанном учебнике отмечается, что преступление есть деяние, противное целям государства, и поэтому запрещенное под страхом наказания. Деяние вообще есть обнаружение воли. Следовательно, совершить деяние может тот, кто имеет свободную волю. Далее автор указывает, что эти деяния являются опасными для государства, могут быть

²⁰ См.: Милюков С.Ф. Российская уголовная политика: перманентная революция? // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели. С. 109–115.

²¹ См.: Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. М., 2003. С. 8.

деяниями как положительными, состоящими в «действительном содеянии», в произведении «движениями перемены во внешнем мире». Но действие может быть и отрицательное, т.е. состоять в «недеянии, в неисполнении предписанного законом»²².

По истечении века в современных учебниках по уголовному праву можно прочесть, что преступление всегда представляет собой деяние, т.е. выраженный в форме действия или бездействия акт поведения человека (поступок, деятельность), протекающий под контролем его сознания и воли²³. Едва ли мы можем найти какие-то существенные различия, наталкивающие на новые выводы в понятиях, относящихся к учению об уголовно-правовом деянии, изложенном в курсе лекций по русскому уголовному праву того же профессора Н.С. Таганцева, вобравшем в себя достижения российской уголовно-правовой науки на начало XX в., и, например, учением о преступлении, изложенном в Курсе уголовного права, написанном авторским коллективом кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета. «Преступление — это прежде всего деяние, т.е. выраженный в форме активного действия или пассивного бездействия акт поведения (поступок, деятельность)... Такого рода поведение нацелено на причинение вреда, запрещенного уголовным законом...»²⁴, — читаем на страницах упомянутого курса.

Но попробуем обратиться к социологическим исследованиям, к чему призывал В.Н. Кудрявцев, учитывая в первую очередь то, что уголовное право как социальный институт является одним из инструментов социального контроля. Такое положение, очевидно, требует, чтобы наука уголовного права свой понятийный аппарат соотносила с понятиями, которые вырабатываются социологией и социальной философией.

Современная социология большое значение придает изучению механизмов социального действия, стремится выявить социологические законы поведения социальных систем, в частности систем социального действия. Касаясь этой проблемы, Г.В. Мальцев отмечает, что американский социолог Т. Парсонс, уделивший большое внимание изучению структуры действия в такой системе, принял в качестве исходного пункта анализа некую ос-

новную единицу — «единичный акт» или «акт действия». В структурном плане единичное действие раскладывается на следующие элементы: а) субъект действия (деятель, актер); б) цель действия, будущее положение вещей, на которое направлено выполняемое действие; в) ситуация, в которой совершается действие; последняя включает в себя, во-первых, условия или те факторы, которые субъект не может проконтролировать, изменить их направленность, противоречащую его целям, во-вторых, средства, т.е. факторы, подконтрольные действующему субъекту; г) нормативная ориентация действия, способ взаимоотношения всех элементов друг с другом, проявляющаяся в выборе альтернативных средств достижения целей²⁵.

Положения о том, что: в основе такой социальной системы находится действующая личность; социальная система в своем развитии должна стремиться к самосохранению посредством укрепления внутреннего порядка, поддержания равновесия; индивиды своими действиями должны способствовать сохранению социальной системы, в противном случае она посредством активных способов либо заставляет людей изменить поведение либо исключает их из общности — давно широко провозглашаются и обосновываются в многочисленных социологических исследованиях²⁶. Поэтому представляется, что классическая уголовно-правовая доктрина в том виде, в котором она заложена в современное российское уголовное право, не соответствует социальным ожиданиям.

Объективно оценивая ее значение, следует отметить, что она внесла неоценимый вклад в образование современного цивилизованного порядка. Э.Я. Немировский, воздавая должное классическому уголовному праву, писал, что прочно утвердившееся в законодательстве и науке XIX в. традиционное уголовное право и не встречавшее серьезной оппозиции до конца 70-х гг. являло собой принцип, завещанный еще Монтескье и Бекарриа, и освященный, хотя и по другим соображениям, авторитетами Канта и Гегеля принцип пропорциональности наказания тяжести преступления, измеряемой в общем ценностью объекта преступного посягательства, важностью причиненного и другими объективными моментами деяния (способом действия).

В этом философы и криминалисты-классики XIX в. видели осуществление справед-

²² Будзинский С. Начала уголовного права. Варшава, 1870. С. 52–55.

²³ См.: Уголовное право. Общая часть / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М., 1997. С. 123.

²⁴ Курс уголовного права: в 5 т. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 1999. С. 125.

²⁵ См.: Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2011. С. 251–252.

²⁶ См.: Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006. С. 575–576.

ливого воздаяния — возмездия, а Монтескье и Беккария искали объективной точки опоры против драконовской жестокости современных им наказаний: не произвол судьи и даже не прихоть законодателя должны диктовать меру наказания, а природа самого преступления; этот «триумф свободы»²⁷.

Работа Э.Я. Немировского, на которую мы ссылаемся, интересна тем, что написана в начале XX в. и связана с появившимися к тому времени во многих проектах уголовных кодексов европейских стран нововведениями в области уголовного права и получивших обобщенное название мер социальной защиты, воспринимавшихся уже в качестве своеобразной оппозиции традиционного уголовного права.

Э.Я. Немировский, понимая, что появление мер социальной защиты было обусловлено социальными потребностями в более эффективной борьбе с преступностью, глубоко проанализировал взгляды различных ученых, положенных в их основание, сущность этих мер и придал новую интерпретацию содержанию института вины. По его глубокому убеждению, в основе новых законодательных инициатив относительно рецидива, преступной деятельности в виде промысла и т.п. постановлений по поводу мер социальной защиты должно лежать не искусственное комбинирование различных целей наказания, выбор в одних случаях возмездия, правового осуждения, общего предупреждения, в других — элиминации, а мысль о совместимости более широкого признания специальной превенции с справедливой, соответствующей вине, отрицательной оценкой не столько деяния, сколько личности преступника. Видимо, поэтому понятие вины должно быть более глубоким. В качестве масштаба справедливости должен быть взят другой критерий, а не традиционная пропорциональность между тяжестью наказания и ценностью объекта посягательства, и этот последний момент и конкретное деяние должны получить иное значение, утратить преобладающую роль при определении наказания. Такой подход позволит использовать достоинства мер социальной защиты, не создавать искусственных шатких понятий и придать наказанию большую гибкость, не подорвав его основы и сохранить за ним особое место в ряду правовых институтов. В итоге автор делает заключение, что вина не свойство деяния, а свойство личности; это особое психическое ее состояние, преходящее или длительное, признаваемое неудовлетворительным данным

²⁷ См.: Немировский Э.Я. Меры социальной защиты и наказание в связи с сущностью вины. Пг., 1916. С. 5.

правопорядком и вызывающее осуждение или неодобрение последнего ввиду несоответствия проявлений этого состояния психики требованиям права. Гарантии личной свободы требуют, чтобы лицо наказывалось не за преступное настроение, опасное состояние, а с выраженным в юридической норме определенным составом правового неодобрения как масштабом для отрицательной правовой оценки настроения. Последнее и есть потому преступно, а не антисоциально или аморально, что не соответствует требованиям, выдвигаемым правовыми нормами²⁸.

По нашему мнению, труд Э.Я. Немировского свидетельствует о том, что уже в то время созрели научные обоснования необходимости поиска более совершенного содержания уголовной репрессии, связанного с личностью. В этом поиске разные государства пошли разными дорогами, придя зачастую к весьма оригинальным моделям социального контроля над преступностью. Многие страны, в том числе и Россия, находятся в активном поиске и сейчас. И если мы пришли к выводу, что действующее российское законодательство действительно нуждается в модернизации, то, по всей видимости, должны посмотреть, а насколько основные институты, лежащие в основании уголовной ответственности, правильно отражают отдельные стороны той или иной степени общественной опасности личности, проявляющейся в ее поведении.

На сегодняшний день наука уголовного права за первичное берет выработанные ею юридические конструкции (модели) и признает только ту социальную реальность как объект уголовно-правового воздействия, которая соответствует таким формально-логическим конструкциям. Но эти конструкции по своему содержанию часто носят противоречивый, произвольный характер, основываются не на авторитете истины, а на истине авторитета, часто воспринимаемой без должного критического осмысления. Однако социальная практика настойчиво указывает: для правильных законодательных решений вначале необходимо исследовать социальную действительность, а уже затем находить отражение в юридическом тексте.

Поэтому пытаюсь разобраться в явлении вины, лежащей в основании уголовной ответственности, мы попробуем отвлечься от сложившегося ее формально-логического категориального аппарата в теории уголовного права и взглянуть на нее через призму таких

²⁸ См.: Немировский Э.Я. Указ. соч. С. 35–41.

феноменов, как социальный порядок и ответственность.

В контексте социальной философии социальный порядок представляется ключевым принципом цивилизации, которая требует, чтобы ее собственные системы и элементы подчинялись существующим нормам и законам, соответствовали заданным образцам, что позволяет индивидам и разномасштабным сообществам успешно отправлять свои жизненные функции, удовлетворять социальные потребности и интересы²⁹. Социальный порядок в позитивном праве очерчивает пределы допустимого, дозволенного для человеческого поведения, т.е. задает образцы, которые и определяют социальный порядок. Поскольку личность зависит от социального окружения, общества, государства, то категория ответственности вызывает к морально-правовому сознанию и ориентирует его носителя на соблюдение социальных норм. Для достижения позитивного результата личность должна находиться на определенном уровне социальной и моральной зрелости, обладать необходимыми социальными качествами, дееспособностью и правоспособностью³⁰. То обстоятельство, насколько поведение индивида соответствует выработанным образцам, свидетельствует об определенных личностных качествах человека.

С социальным порядком связана категория обязанности как конкретной формы морального или правового долженствования, заключающаяся в необходимости индивида совершать определенные предписываемые нормативным актом действия либо воздерживаться от совершения действий, запрещенных нормативным актом. Уголовное законодательство содержит перечень запретов, адресованных членам социального сообщества, которые должны обеспечивать стабильность социального порядка. В общих чертах их можно представить в следующем виде:

1) полный запрет на определенные виды социального поведения (например, преступления против личности, различные виды хищений, преступления против общественной безопасности, преступления против мира и безопасности человечества и т.п.);

2) запрет на совершение определенных видов поведения в сферах, являющихся составной частью социального порядка как необходимого условия существования социума (конституционное устройство, сфера эконо-

мики, природной среды, транспорта, нормальное функционирование государственной власти, системы правосудия, порядка управления, организации прохождения военной службы).

Кроме запрета на такие виды поведения, в обществе на субъектов обыденно необходимой социальной деятельности возлагается обязанность действовать так, чтобы не причинять вреда окружающим.

Отношение личности к указанным запретам и исполнению обязанности «не навредить» является тем критерием сложившихся моральных качеств личности, одним из проявления которых может выступать ее общественная опасность в той или иной степени. Для ее правильного отражения в процессе нормативного конструирования института ответственности законодательная практика выработала понятия умышленной и неосторожной форм вины. Свидетельство повышенной степени общественной опасности лиц, совершающих умышленные преступления, историческая практика со временем начала усматривать в том, что они осознавали сложившуюся в данном обществе оценку совершаемого поведенческого акта как общественно опасного самого по себе, например, переход на сторону врага, лжесвидетельство, святотатство и т.п., или потому, что такое поведение влечет за собой вредные последствия и потому оценивается окружающими как общественно опасное. Изначально в подавляющем большинстве это были последствия материального характера, их достижение являлось целью деятельности субъекта; характер последствий выступал основным показателем общественной опасности деятеля.

Современная теория уголовного права также исходит из того, что общественно опасное деяние влечет определенные негативные изменения в окружающем мире и вызывает наступление определенных последствий, вредных для охраняемых уголовным законодательством личных и общественных интересов. Как правильно замечают некоторые авторы, общественная опасность последствий преступления — один из основных показателей степени опасности деяния в целом, напрямую определяющей тяжесть уголовной ответственности и наказания. Это обуславливает важность технически грамотного и правильного описания таких последствий в законе³¹.

Едва ли будет преувеличением сказать, что сложившаяся уголовно-правовая доктрина

²⁹ См.: Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006. С. 612–616.

³⁰ См.: Там же. С. 571.

³¹ См.: Ковалев М.И. Общественно опасные последствия преступления и диспозиция уголовного закона // Советское государство и право. 1990. № 10. С. 38.

на разработала целую научную концепцию, связанную именно с таким явлением, как последствия преступления. К этой проблеме обращались многие известные ученые, и, как того требуют закономерности научного исследования, пытались представить наиболее верную, на их взгляд, классификацию изучаемого объекта. Но при этом следует иметь в виду, что построение классификации зависит от поставленных целей исследования. Поскольку нас интересует вопрос: насколько правильно сложившийся институт вины отражает различные степени общественной опасности личности, мы полагаем наиболее подходящей для этой цели классификацию, предложенную В.Б. Малининым и А.Ф. Парфеновым.

Преступные последствия являются обобщающим понятием, поэтому они предлагают их отражение в уголовном законодательстве выделить в качестве видовых понятий конкретного вреда:

- причинение смерти, в том числе двум и более лицам (ст. 105–111, 123–124, 126–128, 131–132, 143, 205–206, 211, 215–220, 227, 230, 235–238, 248, 250–252, 254, 263–269, 293, 309, 333–335, 349–350, 357 УК РФ);
 - причинение вреда здоровью (ст. 111–118, 123–124, 127 –127², 131–132, 215–215¹, 216, 218–219, 228², 235, 237–238, 247–248, 251–252, 263–264, 267–269, 293, 333–335, 349–350 УК РФ);
 - изъятие, сокрытие либо уничтожение документов, удостоверяющих личность потерпевшего (ст. 127² УК РФ);
 - уничтожение, порча или разрушение предметов или документов, имеющих особую историческую, научную или культурную ценность (ст. 164 УК РФ);
 - уничтожение или повреждение имущества (ст. 167–168, 212–213, 309 УК РФ);
 - порча имущества на общественном транспорте или приведение иным способом в негодность для эксплуатации состояние объектов энергетики, электросвязи, жилищного и коммунального хозяйства или других объектов жизнеобеспечения (ст. 215² УК РФ);
 - уничтожение огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств (ст. 225 УК РФ);
 - массовое заболевание или отравление людей (ст. 236 УК РФ);
 - изменение радиоактивного фона (ст. 246 УК РФ);
 - массовая гибель животных (ст. 246–247, 250 УК РФ);
 - загрязнение, отравление или заражение окружающей среды (ст. 247 УК РФ);
 - распространение эпидемий или эпизоотии (ст. 248–249 УК РФ);
 - вред животному или растительному миру, рыбным запасам, лесному или сельскому хозяйству (ст. 250 УК РФ);
 - загрязнение или иное изменение природных свойств воздуха (ст. 251 УК РФ);
 - вред животному или растительному миру, рыбным запасам, окружающей среде, зонам отдыха либо другим охраняемым законом интересам (ст. 252 УК РФ);
 - вред окружающей среде (ст. 254 УК РФ);
 - массовая гибель рыбы или других водных животных, уничтожение в значительных размерах кормовых запасов (ст. 257 УК РФ);
 - массовое отравление растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов (ст. 258 УК РФ);
 - гибель популяций организмов, занесенных в Красную книгу РФ (ст. 259 УК РФ);
 - повреждение деревьев, кустарников и лиан (ст. 260 УК РФ);
 - уничтожение или повреждение лесов, а равно насаждений, не входящих в лесной фонд (ст. 261 УК РФ);
 - разрушение, повреждение или приведение в негодное для эксплуатации состояние транспортного оборудования (ст. 267 УК РФ);
 - уничтожение, блокирование, модификация либо копирование информации, нарушение работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети (ст. 272–274 УК РФ);
 - утрата документов, содержащих государственную тайну (ст. 284 УК РФ);
 - изъятие, перемещение или уничтожение пограничных знаков (ст. 323 УК РФ);
 - уничтожение идентификационного номера кузова, шасси, двигателя (ст. 326 УК РФ);
 - вред охраняемым караулом (вахтой) объектам (ст. 342 УК РФ);
 - уничтожение или повреждение оружия, боеприпасов или предметов военной техники (ст. 346–349 УК РФ);
- Кроме того, выделяется не конкретизированный в законе вред:
- значительный ущерб (ст. 167, 255, 262 УК РФ);
 - значительный размер (ст. 257, 260, УК РФ);
 - существенный вред (ст. 234, 250, 330 УК РФ);
 - крупный ущерб (ст. 147, 256, 258, 273, 274, УК РФ);
 - крупный размер (ст. 147 УК РФ);

– тяжкие последствия (ст. 126–128, 145¹, 183, 201, 203, 205–206, 211, 215¹, 220, 224–225, 227, 230, 237, 246, 248–249, 257, 273–274, 283–285, 286–287, 301, 303, 305, 311, 320, **323**, 332–335, 340–344, 346–347, 349, УК РФ)³².

Из представленных видов последствий, наиболее объективно отражающих общественную опасность личности, предстают убийство и причинение вреда здоровью различной тяжести. Содержание остальных последствий так или иначе связано с субъективной оценкой законодателя, который пытается через объективные признаки закрепить в законе проявляющуюся степень общественной опасности лиц, совершающих эти деяния. Найти криминологическое обоснование подобного рода субъективных оценок, чтобы соразмерить их с чувством справедливости, сложившемся в общественном сознании в данное время, в подавляющем большинстве крайне трудно. Как, например, социальное чувство справедливости может смириться с тем фактом, что индивидуальный предприниматель, незаконно получивший кредит и причинивший в результате кредитной организации ущерб на сумму 6 млн руб., может быть привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 176 УК РФ, максимальное наказание по которой предусматривается в виде лишения свободы на срок до пяти лет, а другое лицо посредством предоставления ложных сведений незаконно получило кредит и причинило ущерб той же организации на сумму ровно 1 млн 500 тыс. руб. остается безнаказанным, поскольку в соответствии с примечанием к ст. 169 УК РФ уголовно наказуемым ущербом в этом случае признается ущерб, превышающий указанную сумму? Подобных законодательных уголовно-правовых разногласий можно привести великое множество.

Что касается последствий так называемого неконкретизированного вреда, которые указаны в статьях УК РФ, то объективности ради следует признать, что частично сама криминализация таких деяний или установление признаков общественной опасности лиц, которые их совершают, отданы на откуп правоприменительным органам, что никак не согласуется с принципом социальной справедливости. Поэтому, на наш взгляд, обновление отечественного уголовного законодательства предполагает своеобразную ревизию признаков общественно опасных деяний, предусмотренных в законе, исследование, в процессе которого выяснить: действительно ли этот признак отражает такую степень проявляю-

щейся общественной опасности личности, что его нужно криминализировать; как правильно изложить его в тексте закона; будет ли это способствовать более эффективной уголовно-правовой борьбе с подобным явлением.

Далее, как мы полагаем, в обозначенном соотношении «социальная справедливость — вина» большой интерес представляет собой группа деяний, предусмотренная в ст. 123, 128, 215, 217, 220, 228², 238, 247, 248, 250, 251, 252, 254, 274, 283 УК РФ. Нетрудно видеть, что в этих статьях законодатель устанавливает уголовную ответственность за нарушение правил, содержащихся в самых разнообразных нормативных актах. Эти правила направлены на обеспечение права на свободу, которое может быть нарушено, если не соблюдаются установленные правила помещения лица в психиатрический стационар (ст. 128), охрану здоровья от опасности, которая может исходить от различных вредных источников и т.д. Но соблюдение многих из перечисленных правил обеспечивается и нормами административного права. Например, КоАП РФ предусматривает административную ответственность за незаконное занятие частной медицинской практикой, частной фармацевтической деятельностью либо народной медициной (ст. 6.2 КоАП РФ). То же самое можно сказать и в отношении таких деяний, как нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах (ст. 217 УК РФ — ст. 9.1 КоАП РФ); незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами (ст. 220 УК РФ — ст. 9.6. КоАП РФ); загрязнение вод (ст. 250 УК РФ — ст. 8.13, 8.14 КоАП РФ), загрязнение атмосферы (ст. 251 УК РФ — ст. 8.21 КоАП РФ), загрязнение морской среды (ст. 252 УК РФ — ст. 8.19 КоАП РФ).

Понять юридическую природу указанных преступлений едва ли возможно, не осознав сущность административного правонарушения, его отличие от феномена преступления. Правильное понимание такого различия опять же должно основываться на категории «социальный порядок». Как уже отмечалось, теория права представляет социальный порядок как совокупность институционализированных структур, т.е. систему институтов, организованных на нормативной базе. Из таких социальных институтов складываются общественный и государственный строй, экономическая система, конституционный строй, правопорядок, федеративное устройство государства и многие другие «суперсистемы»³³.

³² См.: Малинин В.Б., Парфенов А.Ф. Объективная сторона преступления. СПб., 2004. С. 76–78.

³³ См.: Мальцев В.Г. Социальные основания права. С. 391.

Нормы, регулирующие поведение субъектов в указанных выше и многих других случаях, также входят в указанную совокупность институционализированных структур, образующих единый цельный социальный порядок, и в то же время представляют собой отдельные нормативные системы, отличающиеся друг от друга социальными целями регулирования. Но право, образующие его отдельные нормативные системы, базируются на парадигме устойчивости. «Особая и высшая задача правового регулирования — держать динамику общества в рамках устойчивой системы, не допускать скатывания общества к неустойчивому состоянию»³⁴.

Идеальный правопорядок, когда участники общественных отношений, регулируемых той или другой нормативной системой, выполняют должным образом все нормативные предписания, можно представить только в своем воображении. В реальности мы постоянно сталкиваемся с множеством случаев отступления субъектов в своем поведении от нормативных требований, предусмотренных той или иной нормативной системой. В области нормативного регулирования также действует диалектический закон перехода количества в качество. Поэтому со временем количество нормативных нарушений может привести нормативную систему в неустойчивое состояние и дезорганизации требуемого порядка в определенной сфере социальной жизни. Противодействовать подобному явлению призвана система социального контроля, состоящая из деятельности большого числа ведомств и инспекций. Они должны выявлять нарушения, допускаемые людьми, в подведомственной им сфере, и применять к нарушителям предусмотренные меры воздействия. Здесь система контроля должна действовать по принципу: каждый выявленный факт нарушения установленного нормативного требования влечет за собой применение к нарушителю соответствующих мер правового воздействия. При этом не имеют значения такие обстоятельства, как: совершил субъект регулируемого правоотношения отступление от установленных правил осознанно или по забывчивости; знал он или не знал содержание нормативных предписаний. Не имеют значения и мотивы, которыми руководствовалось лицо при нарушении предписаний, хотя это может быть не лишнее оснований убеждение, что нормативное веление устарело, и отступление от нормативных требований пойдет на пользу производственному процессу,

участником которого он является. Не имеет правового значения и обстановка, в которой допущено нарушение.

Только таким образом можно обеспечить устойчивость нормативной системы, желаемую упорядоченность в той социальной среде, которую она регулирует.

Сам нарушитель нормативного предписания, если оно не повлекло значимых правовых последствий, расценивает свой поступок как один из тех, которые образуют нашу повседневность, не выходящий за пределы сложившихся терпимых социальных стандартов.

Но вместе с тем на каждом субъекте, который начинает действовать в той или иной области социальной действительности, одновременно лежит обязанность постоянного субъективного анализа совокупности тех объективных обстоятельств, в которых он действует; иначе говоря, обязанность предвидеть, какие причинно-следственные связи могут возникнуть между его поведением и объективными условиями, которые уже существуют в наличии или которые могут образоваться. Как раз отношение личности к этой социальной обязанности характеризует присущие ей психологические особенности. Целый ряд лиц, принимающих решение отступить от нормативных правил, прежде чем действовать убеждаются в том, что такое поведение в конкретной обстановке не приведет к негативным последствиям. Но анализ возможности возникновения различных причинно-следственных связей требует от субъекта определенных психических усилий, своего рода психического «насилия» личности над собой. А такая способность, свидетельствующая об ответственном отношении к социальным ценностям, есть результат полученного в обществе воспитания, и далеко не все индивиды ею обладают. О том, что индивид не выполнил такую возложенную на него социальную обязанность анализа объективной обстановки, в которой происходит реализация его поведенческого акта, свидетельствуют наступившие последствия. Это уже есть показатель определенной степени общественной опасности личности, которая в уголовном праве находит свое выражение в неосторожной форме вины.

Подтверждением сказанному может послужить нормативный порядок организации дорожного движения. Например, если водитель ночью в отсутствие других транспортных средств на проезжей части дороги сознательно выехал на полосу встречного движения, и это было зафиксировано работниками ГИБДД, он подлежит привлечению к административ-

³⁴ См.: Там же. С. 48.

ной ответственности в соответствии с ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ. Никакие доводы водителя, что этот маневр совершен им глубокой ночью, не создавал помех для движения и, по его убеждению, был абсолютно безопасен, во внимание приняты не будут. Административное правонарушение имело место. Ситуация существенно меняется, когда подобный маневр осуществляется во время интенсивного движения транспорта. Она требует уже от водителя быстрого и точного расчета скорости встречных транспортных средств, постоянно меняющегося расстояния, погоды, видимости, состояния дорожного покрытия и т.д. В результате одни водители совершают запрещенный маневр, убедившись, что тщательно оценили сложившуюся дорожную обстановку; другие относятся легковесно к такой оценке и также осознанно совершают подобное нарушение, что становится причиной дорожно-транспортного происшествия, в результате которого погибает человек; третьи допускают аналогичное нарушение по причине проявленной невнимательности. Из них виновный в дорожно-транспортном происшествии будет привлечен к уголовной ответственности, а два других подлежат административному взысканию.

Сходные социальные ситуации проявляются во всякой нормативной системе, образующей правопорядок. Мы убеждены в том,

что законодатель допустил глубокое искажение при отражении социальной действительности в уголовно-правовом нормотворчестве, отождествляя сознательное или неосознаваемое нарушение ряда нормативных правил, что присуще для административного правонарушения, с умыслом или неосторожностью, отражающих степень общественной опасности личности в уголовном праве, и установил в первых частях ряда статей УК РФ уголовную ответственность за действия (бездействие), которые выражаются в нарушении нормативных предписаний, а в последующих частях — за последствия, причинной или одним из необходимых условий которого они явились (ст. 215, 217, 220, 228², 247, 252). Вследствие этого правоприменители столкнулись с большими трудностями, решая вопрос, а к каким преступлениям — умышленным или неосторожным — относятся деяния, предусмотренные указанными статьями УК РФ. Поэтому из сферы уголовного законодательства должны быть исключены случаи уголовной ответственности за нарушение каких-либо нормативных предписаний без наступления последствий главным образом материального характера, действительно свидетельствующих об общественной опасности лиц, осознанно или в результате упущения нарушивших эти правила.

Библиография:

1. Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. — СПб., 2006.
2. Будзинский С. Начала уголовного права. — Варшава, 1870.
3. Дядькин Д.С. Теоретические основы назначения уголовного наказания: алгоритмический подход. — СПб., 2006.
4. Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. — М., 1988.
5. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. ред. В.М. Лебедев. — М., 2012.
6. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от рассвета до застоя // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного (31 мая — 1 июня 2012 г.). — М., 2012.
7. Кудрявцев В. Науку уголовного права пора модернизировать // Уголовное право. — 2005. — № 6.
8. Курс советского уголовного права: в 6 т. Т. II. Преступление. — М., 1970.
9. Курс уголовного права: в 5 т. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. — М., 1999.
10. Малиновский А.А. Доктрина как источник уголовного права (сравнительно-правовые аспекты) // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2009. — № 1.
11. Мальцев Г.В. Социальные основания права. — М., 2011.
12. Милюков С.Ф. Российская уголовная политика: перманентная революция? // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного (31 мая — 1 июня 2012 г.). — М., 2012.
13. Наумов А. Открытое письмо профессора А.В. Наумова академику В.Н. Кудрявцеву // Уголовное право. — 2005. — № 5.
14. Немировский Э.Я. Меры социальной защиты и наказание в связи с сущностью вины. — Пг., 1916.
15. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. I: Преступление и наказание. — СПб., 2008.

16. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. — СПб., 2003.
17. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая: в 2 т. Т. 2. — М., 1994.
18. Уголовное право. Общая часть / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. — М., 1997.
19. Уголовное право. Общая часть / под ред. В.Н. Петрашева. — М., 1999.
20. Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. и с пред. В.А. Томсинова. — М., 2003.
21. Энциклопедия уголовного права. Т. 23. Экологические преступления. — СПб., 2013.

References (transliteration):

1. Bachinin V.A. Enciklopediya filosofii i sociologii prava. — SPb., 2006.
2. Budzinskii S. Nachala ugovnogo prava. — Varshava, 1870.
3. Dyad'kin D.S. Teoreticheskie osnovy naznacheniya ugovnogo nakazaniya: algoritmicheskiy podhod. — SPb., 2006.
4. Kelina S.G., Kudryavcev V.N. Principy sovetskogo ugovnogo prava. — M., 1988.
5. Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu RF / otv. red. V.M. Lebedev. — M., 2012.
6. Korobeev A.I. Ugolovno-pravovaya politika Rossii: ot rassveta do zastoya // Sovremennaya ugovnaya politika: poisk optimal'noi modeli: materialy VII Rossiiskogo kongressa ugovnogo (31 maya — 1 iyunya 2012 g.). — M., 2012.
7. Kudryavcev V. Nauku ugovnogo prava pora modernizirovat' // Ugolovnoe pravo. — 2005. — № 6.
8. Kurs sovetskogo ugovnogo prava: v 6 t. T. II. Prestuplenie. — M., 1970.
9. Kurs ugovnogo prava: v 5 t. Obshaya chast'. T. 1: Uchenie o prestuplenii / pod red. N.F. Kuznetsovoi, I.M. Tyazhkovoi. — M., 1999.
10. Malinovskii A.A. Doktrina kak istochnik ugovnogo prava (sravnitel'no-pravovye aspekty) // Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya. — 2009. — № 1.
11. Mal'cev G.V. Social'nye osnovaniya prava. — M., 2011.
12. Milyukov S.F. Rossiiskaya ugovnaya politika: permanentnaya revolyuciya? // Sovremennaya ugovnaya politika: poisk optimal'noi modeli: materialy VII Rossiiskogo kongressa ugovnogo (31 maya — 1 iyunya 2012 g.). — M., 2012.
13. Naumov A. Otkrytoe pis'mo professora A.V. Naumova akademiku V.N. Kudryavcevu // Ugolovnoe pravo. — 2005. — № 5.
14. Nemirovskii E.Ya. Mery social'noi zashity i nakazanie v svyazi s sushnost'yu viny. — Pg., 1916.
15. Polnyi kurs ugovnogo prava: v 5 t. / pod red. A.I. Korobeeva. T. I: Prestuplenie i nakazanie. — SPb., 2008.
16. Rarog A.I. Kvalifikaciya prestuplenii po sub'ektivnym priznakam. — SPb., 2003.
17. Tagancev N.S. Russkoe ugovnoe pravo: lekci. Chast' obshaya: v 2 t. T. 2. — M., 1994.
18. Ugolovnoe pravo. Obshaya chast' / pod red. N.I. Vetrova, Yu.I. Lyapunova. — M., 1997.
19. Ugolovnoe pravo. Obshaya chast' / pod red. V.N. Petrasheva. — M., 1999.
20. Fel'dshtein G.S. Glavnye techeniya v istorii nauki ugovnogo prava v Rossii / pod red. i s pred. V.A. Tomsinova. — M., 2003.
21. Enciklopediya ugovnogo prava. T. 23. Ekologicheskie prestupleniya. — SPb., 2013.

Материал поступил в редакцию 27 мая 2013 г.